КРУШЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО ФРЕГАТА ФЕННИКСЪ.

Въ Западной Индіи — острова противу средины Америки — есть два большихъ острова: Куба и Ямайка; первый былъ въ тѣ поры въ рукахъ испанцевъ, а второй у англичанъ. Англичане были съ испанцами въ войнѣ. Англійскій фрегатъ Фенниксъ, кончивъ крейсерство свое, направилъ путь въ Ямайку.

Съ полуночи — говоритъ лейтенантъ — я стоялъ на вахтѣ. Съ боку раздалось: «Бурунъ передъ носомъ!» Взглянулъ — берегъ на подвѣтренный крамболъ. «По мѣстамъ! Лѣво на бортъ! Кливеръ долой!» Фрегатъ благополучно поворотилъ. «На русленяхъ! Бросай лотъ и сказывай!»

Двадцать–одинъ! «Держи полнѣе!» Двадцать. Темно, не видать ни зги; но такъ какъ мы попали было на берегъ при курсѣ SSO, то капитанъ приказалъ привести тотчасъ на NNW, и лотовой началъ покрикивать: Двадцать–пять! Двадцать–восемь! Пять саженъ! «Хорошо, бросай

чаще!» Восемь саженъ. «Хорошо, брось еще разъ, да и полно!» Пять саженъ! — «Это что значитъ? Людей на верхъ! Готовить якоря! Очищай канаты! Бросай чаще лотъ!»

Якоря готовы–съ. «Хорошо, стоять на пертуленяхъ и на рустовахъ! Чтобы обѣ бухты были чисты!» Девять сажень — лотъ проноситъ! — «Обнести дипъ–лотъ! Готово ли?» Готово! «Бросай!» Сто сажень пронесло! «Хорошо, убирай все по мѣстамъ; подвахтенные на низъ! Ну слава Богу, все кончилось — а были на волосъ отъ гибели: со–ста сажень на–пять, съ девяти на–сто! Это опасныя каменья».

Все успокоилось; къ свѣту мы опять направили путь къ Ямайкѣ; полагали что ушли отъ всѣхъ бѣдъ — но ночью нашелъ вдругъ страшный шквалъ, положившій фрегатъ на–бокъ, и во всю ночь продолжались жестокіе порывы шкваловъ. Гротъ–мачта дала трещину. Мы были миляхъ въ трехъ–стахъ подъ вѣтромъ у Ямайки, а на Кубу, занятый непріятелемъ,

намъ нельзя было спуститься. Команду посадили на половинную порцію.

Но и эта бѣда миновалась: дней въ 12 вылавировали мы благополучно и вошли въ Мантего, на Ямайкѣ. Здѣсь застали мы еще нѣсколько своихъ военныхъ судовъ, — вычинились, запаслись чѣмъ нужно было, и на придачу повеселились. Черезъ нѣсколько дней мы опять вышли, и первая ночь на морѣ послала намъ новое бѣдствіе.

Грозныя тучи стояли на востокѣ, вѣтеръ завывалъ; что–то не доброе готовилось. Закрѣпили марсели. Къ полудню буря свирѣпѣла; въ третьемъ часу еще болѣе; въ четвертомъ была ужасна. Закрѣпили нижніе паруса и оставили фрегатъ подъ однимъ бизань–стакселемъ. Къ ночи показались всѣ признаки урагана; мы закрѣпили паруса запасными обносными сезнями, на нижнія реи наложили штормъ–тали; укрѣпили всѣ гребныя суда и пушки, наложили на орудія двойныя брюки; спустили вовсе брамъ–стеньги и лисель–спирты, убрали на ростры утлегерь и блиндарей; изготовили брезенты на люки, съ планками и гвоздями.

Птицы съ разныхъ сторонъ налетали и падали на фрегатъ. Изподъ вѣтра онѣ попадали къ намъ только лавировкой, не смогая управить прямо противъ бури.

Въ 8 часовъ вечера дошелъ до насъ первый порывъ урагана. Вой и свистъ бури по вооруженію, ревъ водяныхъ горъ и хлябей, скрыпъ и трескъ всего фрегата, оглушали насъ. Къ талрепамъ и мачтамъ приставлены были плотники съ топорами, на случай внезапной перемѣны урагана, съ подвѣтра.

Я пошелъ на низъ, поужинать. Комисаръ очень хлопоталъ, опасаясь что у него сухари подмокнутъ. Два армейца, ничего не понимая и не смѣя никого спросить о томъ, что дѣлается, сидѣли, блѣдные какъ смерть и поглядывали другъ на друга и на сосѣдей своихъ. Штурманъ пилъ и курилъ спокойно; второй лейтенантъ былъ на вахтѣ, третій спалъ, готовясь на службу. Я самъ хотѣлъ уснуть, но нашелъ койку свою залитою; пазы въ палубѣ отъ качки раздались и вода отъ всплесковъ бѣжала какъ въ рѣшето.

Капитанъ позвалъ меня на верхъ. Я не помню такого урагана, сказалъ онъ; но фрегатъ довольно хорошо держится на этомъ галсѣ, противъ волненія; каково–то будетъ, когда поворотимъ? А поворотить надо; вѣтръ отошелъ и насъ прямо несетъ на Кубу! Сходи на бакъ, продолжалъ капитанъ, да прикажи при себѣ отдать хоть половину фока, да натянуть шкотъ; когда фрегатъ придетъ на фордевиндъ, то мы тотчасъ уберемъ парусъ. — Фокъ изорветъ въ лахмотья, капитанъ, сказалъ я, и шкота осадить не успѣемъ: позвольте попробовать поворотить по вѣтру, поставивъ людей, вмѣсто паруса, на фокъ–ванты. Капитанъ согласился и мы счастливо поворотили.

Но на другомъ галсѣ было менѣе покойно: фрегатъ лежалъ поперегъ волненія и его такъ кидало, что мы боялись за мачты. Бизань–стаксель изорвало въ мохры; даже — кто не видалъ этого, не повѣритъ — даже отъ другихъ парусовъ, закрѣпленныхъ и завязанныхъ сезнями, вырывало клочья!

Не смотря на всѣ осторожности наши, вода лилась въ палубу, черезъ расшатавшіяся пазы, и мы должны были прорубить нижнюю палубу, чтобы спустить воду въ трюмъ. Въ это время я увидалъ, что вода также пробивается бортами и струится по нимъ; вызвали къ помпамъ другую вахту. Въ констапельской течь! закричалъ помощникъ тимермана. «Молчать, дуракъ, чего ты орешь! Развѣ не знаешь, что объ этомъ надо въ полголоса доложить вахтенному лейтенанту, а не караулъ кричать!» — Оказалось, что въ констапельской не было течи, а что вода пробивалась между обшивкой въ палубу.

Ночь, тьма, громъ и молнія, ревъ урагана — глядя на бѣдный фрегатъ, нельзя было полагать, чтобы его стало на долго. Капитанъ стоялъ привязавъ себя концемъ у навѣтреннаго борта; вышедъ на вахту я сдѣлалъ съ собой тоже: слишкомъ опасно было полагаться на однѣ ноги и руки.

Спустить было нижнія реи — сказалъ капитанъ — да нѣтъ возможности послать туда ни одного человѣка: не пришлось бы

рубить мачтъ. Течь прибывала; помпы часто портились; ужасный валъ залилъ всѣ шканцы и разбилъ катеръ на рострахъ въ щебки; фрегатъ легъ на бокъ... «Срубить гротъ–мачту!» Я вскочилъ на навѣтренные руслени, къ талрепамъ, боцманъ за мною, матросы съ топорами къ мачтѣ — но въ это время огромный валъ весь вкатился на фрегатъ, переломалъ и снесъ все, сломилъ гротъ и бизань–мачты и залилъ палубу. Фрегатъ сталъ прямо, но готовъ былъ итти ко дну; онъ отяжелѣлъ, началъ садиться и волна за волной горою ходила черезъ него. Мы едва успѣвали переводить духъ, между тѣмъ какъ одна волна скатывалась, а другая набѣгала. Всякъ прочелъ короткую молитву и предалъ себя волѣ Создателя. Спасенія не было.

Фрегатъ на мели! Закричалъ я, послышавъ, между ударами волнъ, что его колотитъ объ дно морское. Никто не смѣлъ вѣрить радостной вѣсти этой, но скоро всѣ повѣрили: удары стали сильнѣе и сильнѣе.

Корма стояла на мели, а носъ поворотился къ вѣтру: намъ удалось,

наконецъ, срубить фокъ–мачту, чтобы она не заворотила носу и не поставила фрегата лагомъ къ волненію. Нѣсколькихъ человѣкъ залило водой внизу, другихъ снесло сверху за бортъ, пятерыхъ убило мачтой; прочіе здравствовали, готовясь каждую секунду на смерть, но думая о спасеніи. Смерти не бойся, а живота ищи.

Заря занялась — фрегатъ стоялъ на каменьяхъ — по одну сторону огромный утесъ, по другую волны горами. При каждомъ ударѣ ожидали мы, что онъ разсыплется; а подъ скалой страшный прибой. Палубы провалились, но корпусъ еще держался. Если бы насъ волненіемъ не перекинуло черезъ рифы и не принесло къ самому берегу, то не спасся бы ни одинъ человѣкъ. Благодаря Бога, фрегатъ сталъ плотно между каменьевъ и его болѣе не колотило.

Оставалось думать только о своемъ спасеніи. Послушная команда ожидала приказаній: не было ни крику, ни шума, ни суеты; всѣ молча смотрѣли на капитана. Вызвали охотниковъ, изъ которыхъ двое

благополучно доплыли съ линемъ до берега — другихъ забило и утопило въ бурунѣ — линемъ этимъ передали пару кабельтовыхъ и закрѣпили ихъ на берегу, за каменья. По кабельтову вся команда, а затѣмъ и офицеры въ порядкѣ перебрались на берегъ; я и капитанъ перешли послѣдними.

Грустно сидѣли мы по нагимъ каменьямъ берега, подъ крутымъ навѣсомъ скалъ, и смотрѣли на остатки несчастнаго Феникса. Къ полудню ураганъ кончился; мы стали, что можно, спасать и перетаскивать съ фрегата; а между тѣмъ въ береговыхъ ямахъ, по каменьямъ, наловили много рыбы и сварили уху; ночь проспали спокойно.

Затѣмъ командиръ собралъ военный совѣтъ: насъ разбило на непріятельскомъ берегу, на островѣ Кубѣ; но до перваго жилья было нѣсколько сотъ верстъ; можно было надѣяться, что испанцы не тотчасъ узнаютъ объ насъ, а потому и рѣшено было: исправить сколько можно катеръ, и на немъ отправиться мнѣ съ охотниками на островъ Ямайку, за помощію. На другой же

день былъ я уже на пути, съ четырьмя молодцами и запасомъ харчей и воды на двѣ недѣли. Весь экипажъ проводилъ насъ крикомъ ура.

Вѣтеръ былъ попутный, и хотя мы во все время отливались ведрами, но не съ большимъ въ сутки прибыли на Ямайку въ заливъ Монтего. Здѣсь ураганъ также надѣлалъ страшное опустошеніе; но по близости я добылъ три малыхъ судна и на четвертыя сутки бросилъ якорь у Кубы, противу бѣдствующихъ. На берегу меня подхватили и качая на рукахъ принесли къ капитану.

Всѣ мы на судахъ этихъ благополучно прибыли къ своимъ, на Ямайку, и такимъ образомъ избѣжали потопа и плѣна. Слава и благодареніе Богу!